

УДК 347.25

Мазур Сергей Филиппович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета, г. Москва, Россия

e-mail: dingo3@list.ru

РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИЙ ЦИФРОВОГО ПРАВА И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ДОКУМЕНТАЦИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: научная статья отражает проблемы развития гражданского и иных отраслей законодательства, направленных на регулирование цифровых прав при правовом обеспечении управления в России, проведен анализ изменений нормативных правовых актов, регулирующих функционирование как вышеназванных объектов гражданских прав, так и иных вещных и обязательственных прав. Дана авторская оценка Концепции «безбумажного документооборота», а также проанализирован Федеральный закон «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Ключевые слова: Вещное и обязательственное право, цифровое право и цифровые права, электронный документооборот и его концепция, электронная подпись.

Sergey Filippovich Mazur, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines at the Institute of International Law and Justice of the Moscow State Linguistic University, Doctor of Law

THE DEVELOPMENT OF DIGITAL LAW CATEGORIES AND THEIR
USE IN THE DOCUMENTATION SUPPORT OF THE GOVERNMENT
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: the scientific article reflects the problems of the development of civil and other branches of legislation aimed at regulating digital rights in the legal support of management in Russia, an analysis of changes in regulatory legal acts regulating the functioning of both the above-mentioned objects of civil rights and other proprietary and binding rights. The author's assessment of the Concept of "paperless document management" is given, and the Federal Law "On the Creation of a State information system for Countering Offenses Committed using Information and Communication Technologies and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" is analyzed.

Keywords: Property and obligation law; digital law and digital rights; electronic document management and its concept; electronic signature.

С 01 октября 2019 г. статья 128 ГК РФ «Объекты гражданских прав» среди них закрепила такие объекты обязательственного права, как новые новый вид имущества, а именно имущественных прав – цифровые права. Какова вообще дефиниция цифрового права? В действующем гражданском законодательстве законодатель пока что закрепил в пункте 1 ст. 140.1 ГК РФ только понятие цифровых прав¹. Эту категорию законодатель назвал имущественным правом, то есть новым видом имущества. Но в самой дефиниции, данной в вышеназванной статье 140.1 ГК РФ, он определяет, что цифровые права. – это «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам». Таким образом, законодатель относит цифровые права одновременно и к

вещным правам (как вид имущества, имущественных прав), так и к обязательственным правам.

Очевидно, мы находимся в самом начале сложного пути законодательного определения цифрового права и, в дальнейшем, формирования этого важного комплексного правового института, либо, возможно, комплексной отрасли российского законодательства. По нашему мнению, этот вопрос требует своей дальнейшего теоретического изучения, с последующим его разрешением и закреплением (по необходимости) в федеральном законодательстве.

В пункте 2 «Общие положения» Инструкции по делопроизводству Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и ее территориальных органов, утвержденной приказом Роскомнадзора от 31 марта 2014 г. № 49, дано понятие системы электронного документооборота – информационной системы, обеспечивающей сбор электронных документов (включение документов в систему), их обработку, управление документами и доступ к ним), а также понятие электронного документооборота (документооборота с применением информационной системы) и электронного документа (документируемая информация, представленная в электронной форме, т.е. в виде, пригодном для воспроизведения человеком с использованием электронно-вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах). Это же положение закреплено в Национальном стандарте Российской Федерации ГОСТ Р 7.08-2013 (Система стандартов по информатизации, библиотечному и издательскому делу), в п. 74: «Электронный документооборот: Документооборот с использованием автоматической информационной системы (системы электронного документооборота)», однако термин «система электронного документооборота» не раскрыт, а только упоминается в п. 78 анализируемого стандарта «включение документа в систему электронного документооборота: осуществление действий, обеспечивающих размещение сведений о документе

и/или документа в системе электронного документооборота».

Пункты 2 и 3 этого же стандарта дают нам понятия документационного обеспечения (управления): «документационное обеспечение управления – деятельность, целенаправленно обеспечивающая функции управления»; а «управление документами: деятельность, обеспечивающая реализацию единой политики и стандартов по отношению к документальному фонду организации».

Авторы всех современных определений понятий электронного документооборота (ЭДО) и систем электронного документооборота (СЭД), содержащихся в специальной и юридической литературе, отсылают нас к следующему: это «единый механизм по работе с документами, представленными в электронном виде, с реализацией Концепции «безбумажного делопроизводства», либо «организация работы с документами без использования бумажных носителей». Также специалистами по указанной проблематике уже длительное время обсуждается проект Концепции безбумажного документооборота и электронного архива. Однако все эти безусловно правильные и давно созревшие концептуальные идеи в настоящее время не закреплены в российском законодательстве и пока имеют силу только пожеланий и рекомендаций по его совершенствованию и развитию. И хотя значительная часть документооборота в сфере государственного либо муниципального управления уже производится в электронной форме (например, при реализации Федеральной контрактной системы по закупкам товаров (работ, услуг) для государственных или муниципальных нужд), большая часть управленческого документооборота дублирует электронную форму документов бумажной, что существенно затрудняет и удорожает управление, извращая при этом саму Концепцию «Безбумажного документооборота». Только закрепление данной Концепции в профильном федеральном законодательстве и приведение в соответствие с ней огромной подзаконной нормативно-правовой базы по государственному и муниципальному управлению может подвинуть российскую систему управления на действительно «безбумажный», подлинно электронный

документооборот. А затем еще предстоят очень значительные организационные усилия и несение больших материальных расходов (которые, безусловно, впоследствии многократно окупятся!) для постепенного воплощения Концепции действительно «Безбумажного документооборота» в жизнь во всех сферах общественного бытия нашей огромной страны.

Автор настоящей статьи придерживается мнения, что искусственный интеллект и его технологии, а также электронная подпись являются особыми разновидностями цифровых прав. Электронная подпись (согласно ст. 2 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. (в ред. от 28 декабря 2024 г.) № 63-ФЗ «Об электронной подписи», «это информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным способом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию».

Думается, что законодателю следовало бы более четко, более определенно выразить свою волю в диспозиции данной статьи Федерального закона об удостоверении намерения автора электронной подписи (и простой и, особенно, усиленной, в соответствии со ст. 9 анализируемого Закона) об удостоверении его воли дачей электронной подписи.

Вместе с тем, введение в оборот категории и применение технологий искусственного интеллекта неизбежно сопровождается возникновением ряда проблем правового характера². Так, в Российской Федерации, согласно нормам действующего п. 1 ст. 1228 ГК РФ, автором произведения науки или искусства признается только физическое лицо. Исходя из буквального толкования статьи 1228 ГК приходим к выводу, что не может быть признано автором произведения науки и искусства лицо, которое разработало программу, создавшую это произведение, поскольку не признаются авторами результата интеллектуальной деятельности граждане, не внесшие личного творческого вклада в создание такого результата [Воробьева И.В., Салахутдинов В.Д. 62-72]. В этой связи интересной представляется мнение А.А. Семеновой, что с учетом этого целесообразно было бы признать авторство на работу «умной

машины» за субъектом, создавшим эту программу [Останина Е.А., Кузнецова Л.В., Хохлов Е.С. 423].

В последние годы в мире широкое распространение приобретает распространение цифровых финансовых активов и цифровой валюты. В связи с этим большое общественное значение (по мнению автора) будет иметь широкое использование положений Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³.

Следует признать, что широкомасштабное законодательное закрепление нового правопорядка в области цифровых инноваций позволит более рационально подойти к организации внедрения данных технологий и, с одной стороны, придаст дополнительный стимул для дальнейшей цифровизации документационного обеспечения управления России, а, с другой, повысит эффективность этой деятельности.

1 апреля 2025 г. был принят Федеральный закон № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в основном он вступает в силу 1 июня 2025 г., за исключением его отдельных положений, вступающих в силу с 1 августа 2025 г. по 1 марта 2027 г. – см. ст. 16 анализируемого Федерального закона). Этот Закон имеет комплексный характер; он регулирует в основном гражданские правоотношения, но и, вместе с тем, административные, и направлен на создание и функционирование государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий. Он закрепляет ряд важных дефинитивных норм (законодательных определений) в изучаемой сфере (которые относятся к разным правовым институтам указанных отраслей права и будет изучаться нами в различных темах данных учебных курсов). Так, закрепляются основные положения этой государственной информационной

системы и ее субъектов: операторов, пользователей, клиентов и порядок их взаимодействия, а также перечень сохраняющейся ими в данной системе и анализируемой информации. Основная мера со стороны государства, - создание единой платформы, объединяющей банки, компетентные государственные органы и операторов связи, позволяющей обмен ими информации в онлайн-режиме и дающей им возможность пресекать мошеннические действия в реальном времени, противодействовать мошенникам и защищать граждан от киберпреступности. В случае подозрения, что человек находится под влиянием, будет установлен лимит возможного перевода им средств и время ограничения выдачи ему наличных денег. Значительные меры уделены также наведению порядка осуществления телефонных звонков (особенно из-за рубежа), включая их обязательную маркировку, а также распространения информации в Интернете. Массовые вызовы и спам-звонки будут осуществляться только при условии получения предварительного согласия абонента, а при направлении отказа оператору связи – прекращены. Россияне теперь смогут установить через «Госуслуги» или МФЦ самозапрет об оказании услуг связи (так же как в настоящее время они по собственному желанию устанавливали для себя полный либо частичный самозапрет на выдачу либо получение кредитов).

Анализируемым Законом соответствующие изменения и дополнения внесены еще в 13 Федеральных законов: «О банках и банковской деятельности», «О защите прав потребителей», «О федеральной службе безопасности», «Об оперативно-розыскной деятельности», «О государственной охране», «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», «О Центральном банке Российской Федерации (банке России)», «О связи», «О кредитных историях», «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях», «О Следственном комитете Российской Федерации» и «О полиции».

Треть всех преступлений в нашей стране совершается в информационной сфере. По другим данным, за последние пять лет число противоправных деяний

в киберпространстве России увеличилось более чем вдвое. Сегодня их доля в общем массиве составляет около 40%. Так, в январе-августе 2024 г. зарегистрировано 500,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. По данным МВД России, ущерб от преступлений в сфере онлайн-мошенничества в 2024 г. увеличился на 36%, достигнув отметки в 200 млрд. руб. А по тяжким и особо тяжким составам этот показатель уже приблизился к 60% (причем пятую часть таких правонарушений составили кражи с банковских счетов).

Очевидно, что все вышеназванные меры по противодействию правонарушениям и преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, должны применяться комплексно, системно, причем вместе с мерами, нацеленными на их опережение и профилактику. Особенно актуальным представляются воплощение в жизнь мер, предусмотренных для усиления защиты прав потребителей (как и в Федеральном законе от 7 апреля 2025 г. № 69-ФЗ, которым была изменена статья 16 Закона России «О защите прав потребителей», так и во вступающем в силу 15 мая 2025 г. Федеральном законе от 13 февраля 2025 г. № 9-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», направленном на усиление порядка при проведении операций банковскими и небанковскими кредитными организациями).

Вместе с этим необходимо строгое и неуклонное соблюдение законодательства «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (см. также изменения и дополнения одноименного Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ от 7 апреля 2025 г. № 67-ФЗ, а также принятый в этот же день Закон № 72-ФЗ «О внесении изменений в статью 12 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и Федеральный закон «О рекламе»», ужесточающий порядок осуществления такой важной (но вместе с тем и очень противоречивой) услуги на потребительском рынке, как реклама).

Анализируемый выше Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ направлен на то, чтобы дать гражданам (с помощью государства) важные инструменты для самозащиты, а государственным органам и должностным лицам, - принять меры, лишаящие мошенников возможности обманывать людей. В этом Федеральном законе закреплено порядка 30 таких мер, разработанных правительством России совместно с правоохранительными органами и бизнесом. Все они направлены на главную цель: защиту человека и его безопасность в цифровом пространстве.

Использованные источники:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части 1, 2, 3 и 4. Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. (в ред. от 08 августа 2024 г.).
2. Об электронной подписи: Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. (в ред. от 28 декабря 2024 г.) № 63-ФЗ.
3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ//Российская газета. 2020. 6 августа. Об утверждении Инструкции по делопроизводству Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и ее территориальных органов: приказ Роскомнадзора от 31 марта 2014 г. № 49.
4. О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ // Российская газета. 2025. 4 апреля.
5. Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 7.08-2013 (Система стандартов по информатизации, библиотечному и издательскому делу), утвержденный приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 17 октября 2013 г. № 1185-ст.

6. Об утверждении Инструкции по делопроизводству Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и ее территориальных органов: приказ Роскомнадзора от 31 марта 2014 г. № 49.

7. Воробьева И.В., Салахутдинов В.Д. Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта // Малышевские чтения – 2020. Наука и образование: будущее и цели устойчивого развития: материалы XVI международной научной конференции, в 4-х ч. Под ред. А.В. Семенова. М.: Изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2020. Ч. 4. С. 62–72.

8. E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование): сборник статей/Е.А. Останина, Л.В. Кузнецова, Е.С. Хохлов [и др.]; рук. авт. кол. и отв. ред. д.ю.н. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2019. 423 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленной законом признакам. Осуществление, распоряжение, передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу».

² Конфиденциальность данных; безопасность и ответственность; функционирование технологии «больших данных» (big data); интеллектуальная собственность; этика.

³ Согласно п. 2 ст. 1 указанного Закона, цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в установленном порядке, выпуск, учет и обращение возможны только путем внесения (изменения) записей в идентификационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы. Цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащиеся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей РФ, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций, и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам (п. 3 ст. 1 анализируемого Федерального закона).